

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ВСЕСОЮЗНАЯ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА

ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1981

Ответственный редактор
Е. Л. Немировский

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Редакционная коллегия

Я. Д. ИСАЕВИЧ, Т. Б. КНЯЗЕВСКАЯ, Т. И. КОНДАКОВА,
В. И. КОТИКОВ, Е. С. ЛИХТЕНШТЕЙН, С. П. ЛУППОВ,
Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ, Л. Н. ПЕТРОВА, И. М. ПОЛОНСКАЯ,
Н. М. СИКОРСКИЙ

Подготовила к печати

З. А. Покровская

Рецензенты

А. Я. Черняк, Т. Н. Каменева

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСТРОЖСКОГО КРУЖКА (Герасим Смотрицкий как редактор- полемист)

В середине 70-х годов XVI в. в Острог на Волыни, родовое имение украинского магната Константина Острожского, приехал из Каменца-Подольского прославившийся своей ученостью Герасим Данилович Смотрицкий. Князь предложил ему возглавить «дѣтишное училище»¹ — новую острожскую школу.

Герасим Смотрицкий, Иван Федоров и другие приглашенные К. Острожским «мужи, в божественном писании искусные, в греческом языке и в латинском, паче же и в русском», составили научно-литературный кружок. За тридцать лет его существования в кружок входили Стефан и Мелетий Смотрицкие, Тимофей Михайлович, Василий Суражский, Иван Вышенский, Иов Княгиницкий, Киприан, Самуил, Гавриил Дорофеевич, Исайя Копинский, до сих пор скрытые псевдонимами Клирик Острожский и Христофор Филалет, Виталий из Дубны, Дамиан Наливайко и гетман Петро Конашевич-Сагайдачный. В состав кружка вошли и ученые греки Кирилл Лукарис (будущий константинопольский патриарх), протосингел Никифор (до Острога «ректор наук еллинских грецких»), Евстафий Нафанаил из Кандии².

Г. Смотрицкий, видимо, возглавлял кружок в первый период его деятельности — до начала 90-х годов XVI в. «Тот факт, — заключает Я. Д. Исаявич, — что Смотрицкий написал для Острожской Библии предисловие, позволяет сделать вывод, что он руководил всем редакционным кружком, обрабатывавшим текст библейских книг»³.

В Остроге переписывали, переводили, редактировали византийские и старославянские литературные памятники, проявляя глубокий интерес ко всей публицистически насыщенной литературе Киевской Руси, тщательно изучали произведения болгарских и сербских книжников XIV—XV вв. Формировалась литературно-языковедческая концепция, объединившая различных по своему общественному положению и социально-политическим взглядам членов острожского кружка и ставшая исходной позицией их книгопечатной деятельности.

Летом 1578 г. появилось первое издание острожской типографии — дополненная перепечатка славянской Азбуки, выпущенной Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. Острожские педагоги-издатели хотели обеспечить учеников дешевыми учебными пособиями и одновременно сделать «пробу пера» — посмотреть новые шрифты, специально изготовленные для предстоящих капитальных изданий. Острожское издание по сравнению со львовским было дополнено греческими текстами для чтения и произведением болгарского писателя X в. Чернорица Храбра «О языке менех» («Сказание, како состави святыи Кирил Философ азбуку по языку словеньску и книги преводе от греческих на словенский язык»). Дополнения имели принципиальный характер и явную полемическую направленность. Публикацией греческих текстов острожские филологи-просветители подчеркивали свою грекофильскую ориентацию, то большое значение, которое они придавали

греческому языку, с одной стороны, как языку «истинной церковной науки и философии»⁴, а с другой — как классической модели, по образу и подобию которой следует нормализовать славянский язык⁵. Через несколько лет теоретические воззрения острожских лингвистов и их воспитанников реализуются в создании грамматик славянского языка — анонимной «...Крматыки словенска языка» (Вильна, 1586) и «Грамматики славенския правилное синтагма» М. Смотрицкого (Евье, 1618—1619).

Включая в издание трактат Черноридца Храбра «О писменех», острожские просветители доказывали жизнеспособность и боеспособность традиций старославянской письменности. Черноризец Храбр одним из первых высоко оценил значение дела Кирилла и Мефодия как «разума», который «бог дарова славяном». Он выступил в защиту славянской письменности против сторонников «триязычия», утверждавших, что право на грамоту имеют только три «священных» языка — еврейский, греческий и латинский, ибо на них была сделана надпись на кресте распятого Христа.

Славянские книжники отбросили эту легенду как «триязычную ересь», латинское духовенство продолжало ее отстаивать. В начале 70-х годов XVI в. католический полемист и теолог, ректор виленской иезуитской коллегии Петр Скарга громко заявил о ней в своих проповедях, а в 1574 г. использовал формулу «триязычия» в несколько модернизированном виде в своей книге «О jedności kościoła bożiego pod jednym pasterzem i o greckim od tej jedności odstąpieniu», изданной в Вильно в 1577 г. «Есть, — писал П. Скарга, — только два языка, греческий и латинский, которыми вера распространяется во всем мире, помимо них никто в никакой науке, тем более в духовной, не может достичь совершенства. И не было еще на свете, и не будет никогда, ни академии, ни коллегии, где бы теология, философия и другие свободные науки на ином языке преподавались...»⁶. Принося роль славянского языка, П. Скарга стремился обесценить многовековое духовное достояние южных и восточных славян, показать невозможность развития этого языка.

Книга П. Скарги вышла в период кратковременного затишья в полемике православных и католиков, когда литературные силы обоих лагерей были сосредоточены на борьбе с протестантскими и антитринитарскими (арианскими) учениями, распространившимися на украинско-белорусских землях в 60-х и 70-х годах XVI в.

П. Скарга подхватил воскрешенную католиком Бенедиктом Гербестом в 1567 г.⁷ идею унии. Познакомившись с К. Острожским во Львове во время похорон родственника князя Яна Христофора Тарновского⁸, П. Скарга посвятил свойopus «не без хитрости и задних мыслей»⁹ острожскому меценату. «В таких условиях, — отмечает Я. Д. Исаевич, — публикация патристического «Сказания» Черноридца Храбра была актом политической мудрости, умением использовать давние традиции для нужд сегодняшнего дня»¹⁰. Как «первую реакцию на книгу иезуита П. Скарги», «своеобразное начало печатной полемики», оценивает публикацию острожских издателей В. В. Нимчук¹¹.

Анализируя острожскую Азбуку, Я. Д. Исаевич считает, что ее шрифты, обнаруживающие знакомство с почерками украинских рукописей, а также деловых документов середины XVI в., могли быть спроектированы Г. Смотрицким — бывшим каменецким писарем, хорошо знавшим местную рукописную традицию¹². В. В. Нимчук также допускает, что автором греческой

части Азбуки мог быть Г. Смотрицкий¹³. Предположение В. В. Нимчука кажется убедительным еще и потому, что среди греческой части Азбуки помещен весь 50-й псалом, которому Г. Смотрицкий придавал особое значение¹⁴.

Как ректор острожской школы, Г. Смотрицкий, вероятно, был редактором Азбуки. Прекрасно ориентировавшийся в старославянской литературе, активно использовавший ее в своей творческой практике, он выступил, по-видимому, и инициатором публикации полемического трактата Черноризца Храбра.

Первое острожское издание свидетельствовало о намерении научно-просветительного кружка, в котором Г. Смотрицкий играл главенствующую роль, продолжать и развивать тенденции, уже наметившиеся во львовской Азбуке. Они заключались в поднятии авторитета старославянского языка как «священного» языка православной церкви и ориентации на старославянскую письменность.

Многообразная литературно-научная работа острожского кружка была направлена на осуществление давно вынашиваемой русскими, украинскими и белорусскими деятелями мысли об издании полной славянской Библии. Еще в 1561 г. гетман Г. А. Ходкевич, приверженец культурных связей Украины, Белоруссии и России, а также Юрий Слуцкий, двоюродный брат К. К. Острожского, при дворе которого с конца 50-х — начала 60-х годов XVI в. жил «верный своему гуманистическому мировоззрению»¹⁵ старец Артемий, вместе с писарем Великого княжества Литовского Евстафием Воловичем и послом польского короля Сигизмунда Августа Михаилом Гарабурдой направили в Москву широко образованного монаха, выходца из Каменца-Подольского Исаию Камяничанина¹⁶. Он должен был испросить в царской библиотеке старославянскую Библию, чтобы, как она сам позднее писал, «в нашем государстве христианском русском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому русскому литовскому, да и русскому московскому, да и повсюду всем православным христианам, иже в Болгарех, и в Сербех, в Мылтянех и Волосех»¹⁷.

Однако миссия Исаии Камяничанина не удалась: обвиненный в «латинской ереси» своим дорожным спутником греческим епископом Иоасафом, Исаия надолго задержан в России, так что лишь в середине 70-х годов К. Острожский «от благочестива и въ православіи изрядно сіателна гсударя и великаго князя Іоанна Васильевича московскаго и прочая богоизбранным мужем Михаилом Гарабурдою, писарем Великого князства Литовского с прильжным моленіем испрошеную, сподобихомся пріати съвршшеную Библию...»¹⁸.

В 1581 г. Острожская Библия увидела свет. Уже самый факт, что кружок ученых в Остроге оказался способным осуществить такое грандиозное издание на старославянском языке, служил блестящим опровержением утверждений П. Скарги о «несостоятельности» этого языка, невозможности существования славянских научных центров. Позднее Г. Смотрицкий, тонкий и острый полемист, завершил свой трактат «Ключ царства небесного» гордой концовкой (по всей вероятности, авторским тропом): «Написана у Академіи Острозькой». Так назвал он свою школу — в противовес иезуитской виленской Академии и в пику ее ректору П. Скарге.

С другой стороны, острожский ученый кружок, не желая подражать деятелям Реформации, «которая начала свою пропаганду переводами

Св. письма на простой язык (Скорина, Будный, евангелие Тяпинское, Негалевский)»¹⁹, подчеркнуто противопоставил Библию на старославянском языке протестантским изданиям.

Идеей контрпропаганды руководствовались еще организаторы миссии Исаии Камянчанина в Москву, а также, по предположению М. Гембаровича²⁰, книжники опекаемого Г. А. Ходкевичем Супрасльского монастыря, находившиеся под сильным влиянием старца Артемия — непримиримого борца со всякими еретическими движениями.

Полемическая, антипротестантская и антиеретическая направленность характерна для предисловия Г. А. Ходкевича к Евангелию учительному (Заблудов, 1569) — первому изданию Ивана Федорова и Петра Мстиславца за пределами Русского государства: «В нынешний мятеж мира сего... мнози крстіяньстїи людїе новыми и различными ученїи в вѣре поколебашася, и мнѣиєм своим разсверепѣша, и от єдинаго согласїа в вѣре живущих отвратишася. Да поне сїх книг читанїем возмогут себе исправили и на путь истинный привести»²¹.

Связи между старославянским языком и антиеретическим пафосом Острожской Библии снова помогают выявить заблудовские издания. «Помыслил же был есми и се, — обращался Ходкевич к читателю в предисловии к Евангелию учительному, — иже бы сїю книгу выразумѣнїя ради простых людѣй предложити на простую молву, и имѣл есми о том попечение великое. И совещаши ми люди мудрые, в том писмѣ ученые, иже прекладанїем з давних пословиц на новые помылка чинитися немалая, якоже и нынѣ обрѣтается в книгах новаго перевода»²². В предисловии ко второму заблудовскому изданию — Псалтыри с Часословцем (1570) Ходкевич снова повторил, что при переводе с одного языка на другой неизбежны ошибки, а ими «ереси умножаются». «Того избави нас боже!»²³

В литературе высказывалась мысль, что советчиками заблудовских издателей были Артемий и Курбский, непримиримо борющиеся против ереси²⁴. Несомненно, оба они продолжали поддерживать живую связь и с новым гуманистическим очагом в Остроге. «А преложих ю на вожделѣнный и любимый праотец твоих прирожденный язык словенскїй», — писал Курбский к Острожскому о своем переводе беседы Иоанна Златоуста²⁵.

Одним из компонентов ортодоксальной позиции великого книжника Артемия, первого, по словам Захарии Копыстенского, среди «учителей новых... в народѣ Россїйском», отвернувшим многих «от ереси арианской и лютеранской»²⁶, было убеждение в неразрывности формы и содержания, в их абсолютном соответствии²⁷. Истоки такого убеждения следует искать в философских предпосылках южнославянской книжной реформы, осуществленной в последней четверти XIV в. крупнейшими болгарскими и сербскими литературными деятелями (так называемой реформы патриарха Евфимия Тырновского²⁸). Грамматик Константин Костенческий (первая половина XV в.), завершивший эту реформу, исходя из представления о полном соответствии слова и сущности того, что оно выражает, требовал абсолютной точности при переводах с греческого книг Священного писания и богослужбных²⁹. В своем руководстве по грамматике — «Сказанїи изъявлено о писменех» он утверждал, что ереси происходят от искажения письма «Откуда прозєбленїе ересем, точїю от улишенїа божественаго писанїа, или пакї излишїа...»³⁰.

Книга Константина Грамматика рано стала известна восточным славя-

нам. Кое-кто из исследователей предполагает даже, что азбучные таблицы во львовской Азбуке Ивана Федорова составлены по ее образцу³¹. Отрицая непосредственную преемственность, ленинградская исследовательница львовского учебника В. И. Лукьяненко считает, что существует опосредованная связь его с трудами Константина Грамматика, подтверждением чему служит последовательность азбучных рядов и расположение первых девяти молитв³².

Языковедческие воззрения Константина Костенческого исходили из представления о неразрывной связи между словом и его значением. Восточнославянские гуманисты видели в неизбежности и чистоте старославянского языка церкви неизбежность и чистоту самой церкви.

Во второй половине XVI в. протестантские и различные еретические движения Речи Посполитой произвольно истолковывали Библию. Антитринитарии (ариане), представители радикального течения Реформации, отвергали догмат Троицы. На Украине и в Белоруссии антитринитаризм нашел почву, подготовленную русскими вольнодумцами, рационалистические ереси которых в течение предыдущих столетий распространялись среди украинского и белорусского народов. К тому же здесь начиная с 1555 г. живо пропагандировал свое «рабье учение», близкое к антитринитарным идеям, Феодосий Косой — идеолог плебейско-крестьянского крыла реформационного движения.

С середины 70-х годов Феодосий Косой и его товарищ Игнатий осели на Волини, где их «новая наука» нашла многих последователей. А. М. Курбский, такой же яростный противник всех реформационных течений, как и Артемий, в своих посланиях предостерегал от «нынешней многоглавной ереси»³³, «новых толкований» и «еретических бредней»³⁴, частности, и в письмах к князю Острожскому³⁵.

О большом успехе, который имело «новое учение» на украинско-белорусских землях, можно судить по полемическому трактату русского монаха Зиновия Отенского, выступившего против Феодосия Косого и заявившего, что дьявол «восток весь разврати Бахметом, запад же Мартином немчином, Литву же Косым...»³⁶.

Все передовые деятели культурно-освободительного движения Украины и Белоруссии второй половины XVI и первой половины XVII в. были единомышленны в ограждении православия, а «в старославянской церковно-религиозной письменности искали источник морали и народного просвещения»³⁷.

Особая роль старославянского языка и его четкое разграничение с «простой мовой» в изданиях второй половины XVI — начала XVII в. для отдельных специалистов представляется сомнительным. Иначе чем объяснить то обстоятельство, что до сих пор продолжается отождествление «словенского», или «славянского», языка с разговорным, объединение их терминном «родного», или «русского» языка?³⁸

Анализ острожских изданий, редактором которых был Герасим Смотрицкий, свидетельствует, что литературно-языковедческая концепция острожских гуманистов выкристаллизовывалась не без воздействия книжных традиций второго южнославянского влияния. Переосмысливая эти традиции в соответствии с конкретными целями и задачами, оперируя сложившимся на Украине и Белоруссии к XVI в. восточнославянским вариантом старославянского языка, острожские издатели считали актуальными такие положения южнославянской книжной реформы, как строгое разграничение

церковного и народного языка, установление правил правописания, греко-фильскую ориентацию³⁹, а также принимали целый ряд стилистических предписаний, диктовавшихся так называемым стилем «плетения словес»⁴⁰.

В связи с этим, вероятно, следует расширить предложенную Н. И. Толстым периодизацию истории старославянского языка у восточных славян. А именно — кругу школ, названных исследователем в числе третьей эпохи нормализации старославянского культурно-литературного языка — виленской, киевской и московской⁴¹, предпослать львовско-острожскую и тем самым отодвинуть на несколько десятилетий вглубь третью эпоху расцвета старославянского языка как языка единения трех восточнославянских народов и культурного обращения всей православной Восточной и Южной Европы.

¹ Букварь. Острог. 1578, л. 1.— В кн.: *Grasshoff H., Simmons J. S. G. Ivan Fedorovs griechisch-russisch-kirchenslavisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar von 1578 / 1580*. В., 1969, Taf. 1.

² См.: *Харламович К. В.* Острожская православная школа.— Киев. старина, 1897, т. 57, июнь, с. 375; *Исаевич Я. Д.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975, с. 99.

³ *Исаевич Я. Д.* Указ. соч., с. 98.

⁴ См.: *Маслов С. И.* Культурно-національні відродження на Україні в кінці XVI і першій половині XVII ст.— Укр. літ., 1943, № 12, с. 105.

⁵ См.: *Толстой М. І.* Роль кирило-мефодіївської традиції в історії східно- і південнослов'янської писемності.— В кн.: Питання походження і розвитку слов'янської писемності. Київ, 1963, с. 34.

⁶ Цит. по: Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1882, кн. 2, стб. 485.

⁷ *Wurpisanie drogi*.— In: *Chzcześcijańska porządna odpowiedź*. Kraków, 1567.

⁸ См.: *Харламович К. В.* Острожская православная школа.— Киев. старина, 1897, т. 57, май, с. 183.

⁹ *Возняк М. С.* Історія української літератури. Львів, 1921, т. 2, с. 45.

¹⁰ *Исаевич Я. Д.* Указ. соч., с. 82.

¹¹ *Німчук В. В.* Визначна пам'ятка вітчизняного друкарства.— В кн.: Буквар Івана Федорова. Київ, 1975, с. 95—96.

¹² См.: *Исаевич Я. Д.* Указ. соч., с. 79.

¹³ См.: *Німчук В. В.* Указ. соч., с. 94.

¹⁴ См.: Библия. Острог, 1580, л. [2] первого счета.

¹⁵ См.: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979, с. 43.

¹⁶ См.: *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности мниха Камянчанина Исаии. СПб., 1913, [2] X, [8] с.

¹⁷ Цит. по: *Немировский Е. Л.* Указ. соч., с. 78.

¹⁸ Библия. Острог, 1581, л. [3] первого счета.

¹⁹ *Франко Ів.* Иван Вишенський і его твори. Львів, 1895, с. 381.

²⁰ См.: *Gębarowicz M.* Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569—1583 na tle epoki.— *Roczniki biblioteczne*, 1969, t. 13, z. 3—4, s. 424—426.

²¹ Евангелие учительное. Заблудов, 1569, л. 2 об.

²² Там же, л. 4 об.

²³ Цит. по: *Немировский Е. Л.* Указ. соч., с. 129.

²⁴ Там же, с. 85.

²⁵ *Курбский А. М.* Сказания князя Курбского. СПб., 1833, ч. 2, с. 158.

²⁶ [Захария Копыстенский]. Палинодія. 1621.— В кн.: Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1878, кн. 1, стб. 912—913.

²⁷ См.: *Gębarowicz M.* Op. cit., s. 431.

²⁸ См.: *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках.— В кн.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 15—31.

²⁹ См.: *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.— В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклору.

- ристике: Докл. сов. ученых на IV Международ. съезде славистов. М., 1960, с. 111.
- ³⁰ Цит. по: *Лихачев Д. С.* Указ. соч., с. 110.
- ³¹ См.: *Быкова Т. А.* Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников.— Изв. / Отд-ние лит. и языка АН СССР, 1955, т. 14, вып. 5, с. 471.
- ³² См.: *Лукьяненко В. И.* Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1960, т. 16, с. 211, 235.
- ³³ *Курбский А. М.* Указ. соч., с. 193.
- ³⁴ Там же, с. 185, 187.
- ³⁵ Там же, с. 157—160.
- ³⁶ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении / Соч. инока Зиновия. Казань, 1863, с. 49.
- ³⁷ История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977, с. 144.
- ³⁸ См., напр.: Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий / Под ред. А. С. Демина. М., 1981, с. 34, 205—206, 208—210.
- ³⁹ См.: *Лихачев Д. С.* Указ. соч., с. 97—98.
- ⁴⁰ Там же, с. 114—128.
- ⁴¹ См.: *Толстой М. И.* Указ. соч., с. 35.

И. В. Лёвочкин

КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕННАДИЕВСКОЙ БИБЛИИ

В число ценных русских рукописных книг, особо значимых для отечественной истории книги и культуры, входит и известная Геннадиевская Библия 1499 г., первый в России свод ветхозаветных и новозаветных книг. Она давно привлекает внимание ученых. Первое ее описание было выполнено еще в 40-х годах XIX в.¹ Немало труда в изучение Геннадиевского свода было вложено А. В. Горским и К. И. Невоструевым, которые обстоятельно исследовали содержание рукописи². Успешно изучал Геннадиевскую Библию И. Е. Евсеев³.

Известное внимание Геннадиевскому своду уделяли и советские ученые. В работах А. Д. Седельникова, Я. С. Лурье и М. И. Рижского⁴ имеются сведения по истории создания этого памятника и его значения в культурной жизни России конца XV—XVI в. Исследуется кодекс и зарубежными учеными⁵, однако изучение далеко не закончено.

Настоящая статья посвящена кодикологической характеристике Геннадиевской Библии 1499 г. Постановка темы объяснима, так как вопросы, связанные с оформлением книги, с ее состоянием и особенностями, еще не нашли освещения в литературе.

Геннадиевская Библия 1499 г. хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве в составе Синодального собрания под № 915 (по описанию А. В. Горского и К. И. Невоструева под № 1). Общее количество листов 1007. При этом в начале книги два склеенных листа поздние (первый — XIX в., второй, вероятно, XVI в., но без водяных знаков). Лист XIX в. не имеет никаких помет и записей; на соединенном с ним листе в верхнем правом углу проставлены буквенные обозначения А и I, т. е. начало новой пагинации. Третий лист, подлинный, имеет двойную пагинацию: первоначальную и позднейшую. По